

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К вопросу о датировке Виленского хронографа

Так называемый Виленский (Вильнюсский) хронограф, содержащийся в рукописи № 109 (147) бывш. собрания Виленской публичной библиотеки (ныне собрания библиотеки Академии Наук Литовской ССР в г. Вильнюсе), может быть назван одним из ценнейших памятников древнерусской письменности. Он представляет собой своеобразный всемирно-исторический свод, охватывающий события древней истории до взятия Иерусалима Титом в 70 году н. э. В его состав вошли библейские книги, выдержки из византийских хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы, „История Иудейской войны“ Иосифа Флавия и ряд других источников. По содержанию текст его совпадает с первой частью так называемого Архивского хронографа (рукопись бывш. архива Министерства иностранных дел № 279—658, ныне находящаяся в Центральном Гос. архиве древних актов в Москве). Большую историческую ценность представляют в этом памятнике довольно многочисленные глоссы, освещающие мало изученную мифологию древних литовских племен и бытовые явления западнорусского общества в XIII—XV веках.¹

Рукопись Виленского хронографа была подробно описана Ф. Добрянским в его „Описании рукописей Виленской публичной библиотеки“ и датирована XVII веком.²

Виленский хронограф был изучен В. М. Истриным, который в своем исследовании „Александрия русских хронографов“ уточнил описание, сделанное Добрянским, доказал идентичность содержания Виленского хронографа с начальной частью Архивского и обратил внимание филологов на ценность памятника.³ В своем издании текста древнерусской Александрии В. М. Истрин приводит разночтения к первой редакции также и по рукописи Виленского хронографа. Рукопись привлечена этим же исследователем и для подведения вариантов к изданному им тексту древнеславянского перевода „Хроники“ Иоанна Малалы.⁴

¹ Тексты этих глосс смотри в книгах Ф. Добрянского и В. М. Истрина, указанных ниже.

² Ф. Добрянский. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильно, 1882, стр. 246—255.

³ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893, стр. 125—136 и 317—361.

⁴ В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. I. Зап. Акад. Наук, серия VIII, т. 1, № 3, СПб., 1897; кн. II, Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете, т. X, Визант.-славянское отд., вып. VII, Одесса, 1902; кн. IV—V, там же, вып. XVII, Одесса, 1905; кн. VI—VII, VIII—IX, Сборник ОРЯС, т. 89, вып. 3., СПб., 1911; кн. X, Летописи

В последующее время Виленский хронограф не подвергался изучению и в течение длительного периода считался исчезнувшим. В связи с событиями первой мировой войны рукописи бывш. Виленской публичной библиотеки были эвакуированы в тыл и после этого не были доступны для исследования вплоть до 1945 года.

В научной литературе, как в СССР, так и за границей, появились сообщения о мнимой гибели рукописей.¹ Поэтому при подготовке издания древнерусского перевода „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия (повесть „О полонении Иерусалима“) В. М. Истрин не мог привлечь варианты к тексту из Виленской рукописи.² Не использована она и в опубликованном в 1923—1927 годах переводе названного памятника, изданном А. Берендсом, хотя последний знал о существовании хронографа и упомянул его при перечислении списков древнерусского текста Иосифа Флавия.³ Лишь после победоносного окончания Великой Отечественной войны рукопись Виленского хронографа, как и другие рукописи бывш. собрания Виленской публичной библиотеки, была возвращена в г. Вильнюс и стала доступной для советских исследователей.

Как уже сказано, Ф. Добрянский определил время переписки Хронографа как XVII век. Правда, он никоим образом не обосновал своего утверждения. После Добрянского никто не занимался датировкой этого памятника, поэтому датировка Добрянского принята и до сих пор в каталоге русских и славянских рукописей Рукописного отделения Библиотеки Академии наук Литовской ССР. Между тем по ряду признаков время написания памятника должно быть отнесено к более ранней эпохе.

Хронограф представляет собой рукописную книгу форматом в большой лист (обмер 29×20 см), написан он крупным полууставом на 736 листах. Очевидно, несколько различных переписчиков трудились над изготовлением рукописи по особым тетрадам. В ней заметно деление на части в соответствии с текстом отдельных источников, из которых она составлена:

а) Листы 1—95. Содержат в основном библейскую книгу „Бытия“, в текст которой вкраплены отдельные отрывки из хроники Малалы, „Шестоднева“ и других источников. Первый лист не сохранился. Эта часть рукописи писана на лощеной бумаге. Почерк одного писца, который условно можно назвать первым почерком (у Истрина — почерк А). Эта часть заканчивается в начале л. 95, оборот которого оставлен чистым.

б) Листы 96—126. Особая тетрадь, содержащая книгу „Исход“. Текст переписан другим лицом, особыми, беловатыми чернилами, на грубой нелощеной бумаге. Почерк второй (у Истрина — почерк В). Оборот л. 126 тоже не заполнен текстом.

в) Листы 127—242. Особая тетрадь, содержащая книги „Левит“ и „Чисел“. Бумага также грубая, нелощеная, однако почерк и чернила

Историко-филологического общества, т. XVII, Одесса, 1913; кн. XI—XIV, Сборник Акад. Наук, т. 90, вып. 2, СПб., 1913; кн. XV—XVIII, Сборник Акад. наук, т. 91, вып. 2, СПб., 1914, приложение. Варианты по Виленскому списку приводятся к книгам I—X.

¹ См.: Е. Ф. Карский. Славяно-русская палеография. Изд. АН СССР, 1928, стр. 16; R. Eisler. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung etc. Heidelberg, vol. 1, 1929, стр. 23.

² V. M. Istrine. La prise de Jerusalem, I. Paris, 1934; II, Paris, 1938.

³ A. Berends, K. Grass. Acta et commentationes Universitatis Dorpatensis, ser. B, Tartu, 1924—1927.

те же, что в первой части (А). Заканчивается эта часть на л. 241, за которым следуют три листа, оставшиеся незаписанными. Перед этим киноварная запись на старобелорусском языке: „Перекинь два[д]ца да два листа: там ся почнут царства чатыри, опричь неписаных листов“.

г) Листы 242—273. Особая тетрадь. В начале текста виньетка и очень крупным почерком написанное киноварью заглавие „Книгы за вѣта божиа ветхаго сказующе“, указывающее на текст книги „Второзаконие“. Бумага снова лощеная, чернила лучшего качества, чем в предшествующей части. Почерк первый (А). Оборот л. 273 — чистый.

д) Листы 274—458. Особая тетрадь. Бумага лощеная. Почерк третий (у Истрина — почерк С). С л. 362 по л. 369 новый, четвертый почерк (у Истрина — почерк D). Далее, с л. 370 до л. 458, опять особая тетрадь и почерк снова третий (С).

е) Листы 459—497. Снова особая тетрадь, содержащая текст Александрии. Бумага нелощеная, чернила те же, что в части „б“. Почерк второй (В).

ж) С л. 497 до конца книги. Особая тетрадь. Бумага снова лощеная. Почерк и чернила те же, что в основной части отрывка „а“ (почерк С).

Несмотря на то, что книга переписана четырьмя разными писцами, почерки их, как правильно отметил Добрянский, современны друг другу. По всей вероятности, в целях более быстрого завершения работы изготовление отдельных частей книги было поручено одновременно четырем переписчикам, и лишь впоследствии списанные ими листы были сшиты и переплетены в одну книгу. Этим объясняется также наличие в ней в указанных местах свободных, не заполненных текстом листов.

На полях рукописи имеется множество приписок-замечаний на польском языке, сделанных позднейшей скорописью XVII—XVIII века (по Добрянскому — XVIII века). Русский текст тоже носит следы более поздней редакторской правки. Переплет книги старинный деревянный (обмер 29×21 см), обтянут кожей со следами золотого тиснения, с медными застегками. На внутренней стороне переплета следы нескольких записей, сделанных скорописью на русском и на польском языках. На внутренней стороне верхней доски переплета можно прочесть: „То есть книга глаголемая Криница“, а также имя „Жикгимот“. На внутренней стороне нижней доски читаются слова „Митрополитомъ киевским и галицким и всея Руси... [имя неразборчиво]... амин“ и снова имя „Жикгимот“.

Как сообщает Добрянский, рукопись поступила в Виленскую публичную библиотеку из Супрасльского монастыря.

Уже из вышеприведенных данных следует сделать вывод о том, что хронограф переписан не в XVII веке, а значительно раньше. В этом убеждает прежде всего характер бумаги, на которой переписана большая часть памятника. Лощеная бумага употреблялась для рукописей в XV и в первой половине XVI века, но никак не в XVII веке; только в молдавских, сербских и болгарских рукописях мы встречаемся с лощеной бумагой и в более позднее время, вплоть до XVIII века.¹ Так как рукопись, безусловно, западнорусского (литовского) происхождения, то уже по этому признаку считать ее относящейся к XVII веку нет оснований.

¹ См.: М. В. Щепкина. Замечания о палеографических особенностях рукописи „Слова о полку Игореве“. Труды ОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 2.

Доказательством более раннего происхождения можно признать и записи на досках переплета. В имени „Жиггимот“ следует видеть, по всей вероятности, имя польского короля и великого князя литовского Сигизмунда-Августа, который правил Литвою с 1544 по 1572 год и был там широко популярен под этим именем. Поскольку оно записано позднейшей рукой на переплете книги, тоже изготовленном, очевидно, позднее, чем была переписана книга, постольку с большой степенью вероятности мы можем отнести переписку книги ко времени не позднее середины XVI века. Титул митрополита „киевского и галицкого и всея Руси“ тоже говорит за время до Брестской унии. Супрасльский монастырь, где, по всей видимости, переписывалась рукопись, был основан выходцами с Афона при покровительстве литовского гетмана Ходкевича в 1498 году; библиотека монастыря пополнялась, вероятно, именно в первые десятилетия XVI века.

Еще более укрепляет нас в высказанном нами мнении анализ орфографических и палеографических особенностей рукописи. Так, в ней мы часто встречаем написание буквы „ж“ (юс большой) вместо графемы „оу“ или наряду с нею. В особенности много подобных написаний мы находим в последней части хронографа, начиная с л. 531 и далее, т. е. начиная с XVII главы I книги „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия, например: „противж“, „држзи“, „нижахж“, „имяхж“, „сзвокжпилися“, „браняхж“ и т. п. (лл. 531—532). Достаточно часто встречается также написание буквы „а“ вместо „я“, главным образом после букв „и“, „ы“, например, „пременения“, „въздержания“, „друга“ (однако в той же строке имеем написание „вселеня“). Встречаются также, впрочем гораздо реже, чем в параллельном тексте Архивского хронографа, и особенности среднеболгарских орфографических написаний с редуцированным „ъ“ позади плавных согласных (главным образом после „р“), например: „жрътвы“ (л. 533 об.), „содръжима“ (л. 539), „съ дръзвостю“ (л. 539 об.), „пръсы, пръстии“ (там же) и т. д.

Перечисленные графические явления, введенные в русскую орфографию в конце XIV века, были характерны для всего XV и начала XVI века, но они исчезают впоследствии, особенно после широкого распространения книгопечатания, когда орфография рукописей начинает подражать орфографии, принятой в печатных изданиях.

Вся рукопись Виленского хронографа написана четким полууставом, изредка, в отдельных начертаниях букв, переходящим в скоропись. Фигурам отдельных букв придается несколько заостренная, угловатая форма, они напоминают по общему облику почерк полууставных рукописей западнорусского происхождения конца XV—начала XVI века.¹

В интересах датировки следует особенно подчеркнуть частое специфическое написание буквы „о“ с вписанным в нее крестом, так называемое „о крестное“. Такое написание встречается в слове „окрест“ и производных от него, например: „Фасаила же постави, стареишего сына, воеводою владыи на Иерусалимь и на ок[ръ]стьная (л. 520, стр. 28), „Окр[е]сть его пропасти великы“ (лл. 627 и 719 об.) и др. Наблюдается также так называемое „о очное“, т. е. с одной или двумя точками внутри кружка, например: „но паче призираеть око его преславное на законныя“ (л. 510, стр. 29), „душевныма очима зряхуть“ (л. 712 об.; см. также л. 561, стр. 10, л. 536 об. и другие места). Подобные черты графики, вносящие элементы пиктографизма и идео-

¹ См. например, почерк послания великой княгини литовской Елены Ивановны к ее отцу Ивану III.

графизма в буквенные изображения, постоянны для XV века и начала XVI века и почти перестают употребляться к середине XVI века.¹

Наконец, чрезвычайно важное значение для палеографической датировки рукописей имеют бумажные водяные знаки, которые зачастую позволяют по их определенным сочетаниям на бумаге, послужившей писчим материалом, установить возраст памятника с точностью до десятилетия. Данный признак, имеющий важнейшее значение для датировки рукописи, не был принят во внимание предшествующими исследователями хронографа.

Что же представляют собой водяные знаки бумажных фабрик, имеющиеся на листах бумаги, использованных для записи текста хронографа? Следует заметить, что филигранные просматриваются на свет лишь в листах лощеной бумаги лучшего качества, что же касается листов серой, худшей бумаги (лл. 96—241 и 459—496), то они вообще лишены каких-либо бумажных водяных знаков.

Мы имеем возможность установить наличие следующего комплекса филигранных.

1. Медведь с высунутым языком, идущий на четвереньках. Этот знак находим на лл. 4, 5, 7, 11, 16—18, 20, 24, 27, 29, 30, 40, а также на лл. 661, 662, 665, 668—670, 674, 676, 679, 680, 683, 684, 687, 688, 692, 695, 696, 698, 705 и 706. Подобного знака в альбоме филигранных Н. П. Лихачева не встречается.² Альбом, изданный в 1928 году во Львове польским палеографом Каролем Бадецким, приводит указанную филигрань под № 31 и датирует ее 1520—1529 годами для бумаги германских фабрик.³

2. Букет из различных цветов, небольшого размера. Этот знак просматривается на лл. 32, 33, 34, 36, 40, 42—44, 46, 49. Такого в точности знака в имеющихся альбомах не обнаружено.

3. Вытянутая кисть руки с крестом над средним пальцем. Встречается на лл. 56, 59, 61, 65, 71, 74, 89, 94. Подобный знак приведен в альбоме Лихачева под №№ 1544, 1571, 1675, 3273 и др.; наиболее поздние из них датируются у него 1531 годом.

4. Голова быка с четко очерченными круглыми глазами; между рогами быка — жезл, увенчанный равноконечным крестом и обитый змеєю с жалом, высунутым в левую сторону. Филигрань просматривается на лл. 503—508, 512—514, 517, 520, 523, 524, 528, 529, 701, 703, 709, 711, 713—717, 719, 723—725, 727, 732, 734, 736. Водяные знаки этого типа чрезвычайно часты на бумаге, выпущенной бумажными мельницами, преимущественно германскими, в конце XV века. В альбоме Лихачева мы находим десятки подобных знаков, например под №№ 1007, 1008, 1091, 1141, 1176, 1182, 1365 и др. Наиболее близкий по очертаниям знак мы встретили в альбоме Бадецкого под № 35 с датой 1526 года. По поводу приведенного знака составитель альбома замечает, что такая филигрань указывает на происхождение бумаги из Вроцлава и является одним из последних по времени вариантов чрезвычайно распространенного в XV веке знака типа „голова вола“.⁴

5. Тиара с четырехконечным крестом наверху и с крестом меньшего размера внутри. Этот знак просматриваем на лл. 533, 536, 538, 539,

¹ См.: М. В. Щепкина, *ук. соч.*, стр. 10.

² Н. П. Лихачев. *Палеографическое значение бумажных водяных знаков*, т. III. СПб., 1896.

³ Karól B ad e c k i. *Znaki wodne w ksiągach archiwów miasta Lwowa (1382—1612)*. Lwów, 1928.

⁴ Там же, № 35.

541, 542, 545, 549, 550, 553, 554, 622, 628, 636, 639, 640, 642, 644, 645, 647, 650, 652, 655, 656. Подобные же знаки имеются в альбоме Лихачева под №№ 1242, 1243, 1287, 1351, 1876. Наиболее поздний из них отмечен 1511 годом. У Бадецкого знаки, полностью совпадающие по форме, встречаются под №№ 18 (1507—1530 г.), 20 (1516 г.), 21 и 24 (1519 г.).

б. Якорь с полумесяцем наверху и венком вокруг. Им обозначены лл. 557, 562, 564, 567, 568, 570—572, 576, 582, 586—589, 591, 595, 596, 603, 605, 612, 618—620, 624, 629, 631, 634. Такой же знак находим у Лихачева под №№ 3716—3719, датируемыми 1545 годом.

Таким образом, все отмеченные нами бумажные водяные знаки указывают на время между 1507 и 1545 годами, т. е., безусловно, позволяют отнести написание рукописи ко времени не позднее середины XVI века.

В правильности устанавливаемой нами датировки убеждает также и язык списка, в значительно большей степени, чем все другие, сохранившийся особенности первооригиналов.

Интересный материал для датировки хронографа может быть извлечен на основании одной из глосс, представленных только в Виленском списке и отсутствующих в Архивском, т. е., очевидно, внесенных туда переписчиком самой рукописи. Эта глосса читается на л. 632 в тексте IV книги „Истории“ Иосифа Флавия (гл. 3, 6, 7) после рассказа о поставлении в Иерусалиме зилотами своего первосвященника, вместо низвергнутого ими главы иудейской иерархии, из простых жителей села. Переписчик от себя добавляет следующую историческую аналогию: „как то и в нас ставят митрополита по своей воли, а не правилом святых отец. Вчера с псы по полю за заецом, а ныне святительская свъръшаеть, а не тако, как святой Василие говорит: «Дондеже все степени священническая проидеть, тогда святитель бывает»“ (л. 632, строки 7—12).

Эту глоссу напечатал уже в своем „Описании“ Ф. Добрянский, однако никак ее не прокомментировал. В ней, без сомнения, содержится намек на какие-то злободневные, современные переписчику события из жизни западнорусской православной церкви XVI века. По всей вероятности, имеется в виду поставление в западнорусские киевские митрополиты Сильвестра Белькевича (Велькевича), который в 1556 году, не проходя низших степеней церковного служения, занял, будучи светским, митрополичью кафедру. В 1555 году он подписывается в грамотах еще своим мирским именем — „Степан Петрович, нареченный в митрополиты“, а в 1556 году уже подписывает их как „Сильвестр, митрополит киевский“.¹

Если так, то дату переписки хронографа можно уточнить до года и отнести, если не к 1556 году, то вообще ко времени не позднее конца 50-х годов XVI века. В таком случае следует признать, что переписчик хронографа нарочно несколько архаизирует графику памятника, подражая, по всей видимости, графике оригинала, который он копирует.

Виленский хронограф представляет наиболее сохранный текст тех произведений, которые в него включены: хроники Малалы, Амартола, Александрии, „Истории“ Иосифа Флавия. Как уже было отмечено

¹ См. об этом: Арх. Макарий. История русской церкви, т. IX, ч. IV, стр. 329. В примеч. 339 приводится ссылка на Виленский Археографический сборник, VI, № 17, и Собрание грамот Минской губернии, № 16.

В. М. Истриным, в Виленском списке сохранились части текста, выпавшие при переписке рукописи Архивского хронографа (главы 94—97, лл. 31 об. — 33 об.). Особенную же ценность представляет Виленский хронограф для восстановления древнерусского текста „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия. Он, как и Архивский список, содержит полностью все произведение, в противоположность всем остальным спискам, дающим текст этой повести лишь начиная с 25 главы I книги и содержащим ряд пропусков во II, III и VII книгах.

По сравнению же с Архивским списком текст Виленского хронографа исправнее, он лучше передает написания оригинала. Уже В. М. Истриным было отмечено, что в той части древнерусского перевода, которая сохранилась лишь в Архивском списке, язык наиболее насыщен восточнославянизмами в фонетике и в морфологии. Что же касается Виленского хронографа, то он дает в этом отношении еще больше материала, чем Архивский. Представляют большой интерес и глоссы, имеющиеся только в Виленском хронографе.

Ввиду сказанного, при подготовке к изданию этого ценнейшего произведения древнерусской литературы за основу текста целесообразно положить именно список Виленского хронографа как один из старейших, наиболее сохранных и, наконец, как один из наиболее достоверных в текстологическом отношении.
